

Туров И. В.

РОЛЬ ОБЫДЕННОГО ЖЕЛАНИЯ В ДУХОВНОЙ ПРАКТИКЕ РАННЕГО ХАСИДИЗМА

Введение

Основоположник научного хасидоведения Шимон Дубнов отмечал в своем исследовании, что быстрое распространение хасидизма среди евреев Восточной Европы во многом объясняется близостью учения этого религиозного движения нуждам и чаяниям простонародья. В то время как раввинская элита посвящала жизнь изучению тонкостей закона, хасидские цадики говорили о вреде аскетизма, утешали в горе и сулили исполнение желаний верующих идущим их путями¹. Факт распространения веры в чудеса и повышенный интерес к исполнению желаний у последователей нового религиозного движения никто из исследователей не отрицал. Но со временем наметилась тенденция рассматривать аспект исполнения желаний верующих либо как нечто второстепенное и для элиты незначимое, либо как важный вспомогательный элемент, благоприятствующий реализации многосложных мистических концепций. Ярким представителем первого подхода был М. Бубер, усматривающий в хасидской доктрине господство философии диалога². Г. Шолем³, М. Идель⁴, Б. Зак⁵, И. Эткес⁶ рассматривали проповеди, ведущие речь об исполнении желаний верующих цадиком, в качестве составляющей учения о вознесении праведного в мир божественной плеромы. Между тем, многочисленные факты свидетельствуют о том, что поучения хасидов о силе желания не всегда увязывались с техниками мистической

¹ Dubnov S. Toldot ha-hasidut. Tel Aviv, 1960. С. 34–36, 56–59.

² Buber M. Be-Pardes ha-hasidut. Jerusalem, 2001.

³ Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Иерусалим–Москва, 2004. С. 419–421.

⁴ Idel M. Hasidism, Between Ecstasy and Magic. New York, 1995. С. 80–200.

⁵ Sack B. Iyun be-hashpaat r.Moshe Qordovero al ha-hasidut // Eshel Beer Sheva. 1986. № 3. С. 229–246. Sack B. Iyun be-Torato shel Hoze mi-Lublin // Tsadiqim ve-anshey maase: Mehqarim ba-hasidut Polin. Jerusalem, 1994. С. 219–240.

⁶ Etkes I. Hasidut breshita. Tel-Aviv, 1991. С. 20–40.

медитации. И в тех случаях, когда подобная связь проговаривалась, упомянутые реалии божественного мира играли в проповеди лишь вспомогательную роль. Такое положение вещей требует дальнейшего обстоятельного анализа вышеуказанной темы. С его помощью возможно будет дать ответ на вопросы: 1. Являлась ли сила желания основой самостоятельного направления в духовной практике хасидов? 2. Если это так, то была ли Лиона равной по значимости элитарным медитативным техникам или только первой ступенью для начинающих? Рассмотрению этих вопросов посвящается настоящая статья.

Исследование роли обыденного желания в духовной практике раннего хасидизма

Следуя традиции мистиков аскетов средних веков, основоположники хасидизма призывали своих последователей отречься от суетных желаний, целиком посвятив все свои помыслы и устремления одной праведной цели единения с первоисточником всего сущего. В их поучениях многократно подчеркивается, что во время молитвы человек должен совершенно забыть о себе и предаться созерцанию мира горнего. При этом ему следует забыть свои мелочные нужды, отвлекающие от помыслов о возвышенном. Молиться нужно только о благе Шехины, божественном начале, присутствующем в мире дольнем, которое разделяет вместе с избранным народом все тяготы изгнания⁷. «Да не молится человек о нуждах своих, но пусть он всегда возносит молитвы о Шехине, чтобы была избавлена она от мук Галута. В Зогаре называют тех, кто молится о себе, а не о Шехине, собаками, наглецами, говорящими гав-гав⁸». «[Слышал я от] Дувбера, Магида праведного: “Да не придет тебе в голову во время молитвы твоей молиться о себе или о своей жене, о детях своих и о домочадцах твоих. Только о Шехине”»¹⁰. Наряду с мистическими в ход шли и

⁷ Schatz-Uffenheimer R. Ha-hasidut ke-mistika. 78–86. Schatz-Uffenheimer R. Hasidism as Mysticism. С. 144–150. Weiss J. Petitionary Prayer in Early Hasidism // Studies in Eastern European Jewish Mysticism. Oxford, 1985. С. 126–129.

⁸ По-арамейски повелительное наклонение глагола “дай” произносится как “гав”.

⁹ Dov Ber mi-Mezhirsch. Magid dvarav le-Yaaqov. С. 25.

¹⁰ Benyamin mi-Zalorzez. Turey Zahav. Mahilev, 1816. С. 5d.

нравственно-этические доводы. Маггид из Межирича рассказывал своим хасидам притчу о царе, управлявшем огромным государством, который из-за стонов и причитаний жалкого раба должен был бросить все свои дела и разбираться, в чем у просителя проблема, что неблагоприятно сказывается на судьбе всего царства. Памятуя об этом, всякий молящийся должен задуматься о том, достойны ли его мелочные нужды того, чтобы утруждать ими Владыку Вселенной¹¹. Выступая столь решительно против обращений молящегося с просьбами к Создателю, Дов Бер учил, что поток высшей милости нисходит на верующего вследствие осуществления предписанного ему медитативного богослужения, что, в свою очередь, приводит к исполнению желаний правоверного. “Когда он [молящийся] желает попросить что-нибудь у Творца, – да будет Он благословен! – ему следует помышлять о том, что душа его есть орган Шехины, что он является как бы каплей в море. Он должен сформулировать свою просьбу таким образом, чтобы она была посвящена нуждам Шехины... Только если он соединится с Шехиной должным образом, поток божественной милости изольется на него... Ему должно представить себе, что он является сосудом. Помысел его и речь при этом суть миры, которые расстилаются, то есть мир речи, который суть Шехина, просит у мира мысли нечто для нужд речей [произнесенных во время молитвы]. Когда свет Создателя – да будет Он благословен! – войдет в его мысль и речь, ему следует просить, чтобы поток [божественного света] снизошел в его речи из мира мысли. Благодаря этому Создатель оказывается заключенным в наших просьбах... Израиль превращает слова уст своих в сосуды, чтобы Шехина пребывала в них”¹². Таким образом, во время молитвы человек последовательно соединяется с Шехиной (миром божественной речи, творящим словом Божьим) и миром божественной мысли. Все его устремления обращены к нуждам Шехины, претерпевающей все невзгоды вместе с народом Израиля. Вследствие этого из мира высшей мысли нисходит поток божественной милости, который изливается на человека и произносимые им слова молитвы. В этих словах соединяются направляющий замысел и творящая речь Господа. Поэтому выраженные ими

¹¹ Likutey Ykarim. Lemberg, 1868. С. 7а.

¹² Dov Ber mi-Mezhirech. Or Emet. С. 39с.

просьбы исполняются. М. Идель характеризует изложенную в данном поучении схему духовной практики как мистико-магическую. В ней неразрывно связаны традиционная мистическая техника, обеспечивающая подвижнику единение с Творцом, и магическая практика, позволяющая преображать материальный мир благодаря умелому воздействию на высшие силы¹³. Ярким примером магических интенций молитвенного служения последователей Бешта является следующее высказывание р. Элиэзера Липы из Лизенска: “Мы осуществляем посредством молитвы исцеление больных и удовлетворяем все прочие нужды людей, ибо мы своей молитвой низводим Его Божественность – да будет Он благословен! – в тот из высших миров, который соответствует этим нуждам. Тогда поток благ изливается в этот мир как для многих, так и для отдельных [просителей]”¹⁴.

Но наряду с вышеуказанными суждениями в проповедях хасидов встречается немало таких, в которых обращение к Творцу с прошениями допускается, а порой деяния такого рода безмерно восхваляются.

Некоторые из последователей Бешта полагали, что человеку, оказавшемуся в затруднительной ситуации, следует разрешать обращаться к Создателю с просьбами во время молитвы. В противном случае уныние овладеет его душой, и он не сможет осуществлять богослужение надлежащим образом, помышляя только о величии Творца. Леви Ицхак из Бердичева, ссылаясь на поучение р. Дов Бера из Межирича, которое не приводится в известных на сегодняшний день собраниях проповедей Великого Маггида, утверждал, что просительная молитва о повседневных надобностях человека желанна Творцу. Ниспослание благ безмерно любимому Создателем народу Израиля доставляет Ему наивысшее наслаждение. Поэтому Господь наделяет праведных, богобоязненных людей желаниями, чтобы они обращались с просьбами об их исполнении¹⁵. Таким образом, моление человека о его будничных нуждах является не достойным осуждения утрусением Владыки мира, но, напротив, – одним из важнейших

¹³ Idel M. *Hasidism, Between Ecstasy and Magic*. С. 169–170.

¹⁴ Eliezer Lipa mi-Lizensk. *Or le-Zadik*. Jerusalem, 1975. С. 70.

¹⁵ Levy Izhak mi-Berdichev. *Kdushat ha-Levy*. Jerusalem, 1958. С. 76b–77a.

путей праведного богослужения. Эта доктрина получила широкое распространение в хасидских кругах¹⁶.

Согласно сообщению р. Шломо из Луцка, р. Дов Бер Магид из Межирича учил: “Каждый день проси [у Господа] о нуждах своих: исцелении, пропитании и прочем. Поясняется это притчей. Некий царь нанял работника, чтобы тот ухаживал за садом его, усладе и неге царей, насаждая растения и взрыхляя почву. Работник тот нуждается в пропитании и прочих вещах, необходимых, дабы заниматься ему работой царской. Устыдится ли работник всякий день требовать удовлетворения нужд его перед лицом царя, поскольку занимается он его имуществом и делает работу для него. С другой стороны будет для царя наслаждение (таануг) и слава (тиферет) великая от этого, и даст он ему все, что просит тот, с радостью”¹⁷.

На первый взгляд может показаться, что в данном случае речь идет о повседневной молитве простого еврея, которая не может быть сопоставлена по своей значимости и сакральной силе с медитативной практикой истинно благочестивого человека. Но согласно учению Магида, одним из наиболее важных аспектов служения Создателю является доставление Ему наслаждения (таануг). Ублаженный владыка Вселенной, обретая довольство собою (гитпаарут), щедро одаривает творение всеми возможными благами. Мир горний и мир дольний приближаются друг к другу, что знаменует момент вожденной гармонии¹⁸. Таким образом, просительная молитва, в истолковании значения которой употребляются ключевые для учения р. Дов Бера слова “таануг” и “тиферет”, судя по всему, рассматривается в данном случае как один из важнейших элементов сакрального служения. Согласно воззрениям ученика Магида р. Леви Ицхака из Бердичева, Господь специально посылает человеку желания, чтобы тот обратился к нему с просительной молитвой¹⁹.

Следует отметить, что, согласно воззрениям основоположников хасидизма, обыденные желания не только евреев, но также и

---

¹⁶ Schatz-Uffenheimer R. Ha-hasidut ke-mistika. С. 86–90. Weiss J. Petitionary Prayer in Early Hasidism. С. 129–130.

¹⁷ Schatz-Uffenheimer R. Ha-hasidut ke-mistika. С. 87.

¹⁸ Dov Ber mi-Mezhirsch. Magid dvarav le-Yaaqov. С. 76, 312 и др.

¹⁹ Schatz-Uffenheimer R. Ha-hasidut ke-mistika. С. 88.

иноверцев возможно надлежащим образом использовать в деле священного служения. “Когда еврей занимается Торой в великом экстазе, тогда молитва его достигает небес и будет принята в мирах высших, и изливает изобилие благ на все творения, жаждущие его молитвы. Даже чужак, который не из сыновей Израиля, если попросит у него, чтобы помолился за него ради какой-нибудь его надобности, и цадик этот видит, что будет благодаря этому прославление Господа (Его Великого Имени), то сможет немедленно осуществить желаемое им молитвой своей. Тогда увидит собственными глазами этот необрезанный, что близок Господь молитве цадика и принимает ее без промедления. И этим возвышается Израиль в глазах народов, ибо они видят воочию, что Святой, да будет Он благословен, близок к ним и внемлет их молитве”²⁰.

Среди основоположников хасидизма наиболее убежденным апологетом необходимости испрашивать у Бога благ, относящихся к сфере повседневных забот верующих (здоровья, материального достатка и т. д.), был р. Элимелех из Лежайска. Согласно его мнению, истинный цадик обязан заботиться о материальном и духовном благополучии своих хасидов. Он доставляет Творцу великое удовольствие тем, что освобождает его от необходимости беспокоиться о повседневных материальных потребностях правоверных. Посредством молитв и добрых дел цадик обеспечивает всех тех, кто обращается к нему с просьбами, заработком, добивается ниспослания им детей, исцеляет их от болезней. Благодаря тому, что в момент единения с Творцом истинный праведник проникает в высшие миры, над которыми не властны законы справедливости и воздаяния за содеянное, и где пребывает лишь любовь и безграничное милосердие, он может отменить любой приговор небесного суда и выполнить любое желание. Он способен также вознести в эти высшие миры душу любого из своих хасидов. Цадик должен быть добрым пастырем, который знает нужды своей паствы и всегда готов прийти на помощь²¹. Учение

²⁰ Kalonymus Kalman Epstaein. Maor Meor ve-Shemesh. Parashat va-Ethanan. Подробнее об этом см. Туров И. Влияние учения раннего хасидизма на еврейско-славянские отношения // Наукові записки Національного університету “Острозька Академія”. № 5, 2011. С. 16–32.

²¹ Dubnov S. Toldot ha-hasidut. С. 180–186. Jacobs L. Hasidic Prayer. С. 129–130. Nigal G. Mehkarim be-hasidut. Т. 1. С. 132–148. Etkes I. Hasidut breshita. С. 74–75.

Элимелеха из Лежайска оказало большое влияние на Якова Ицхака из Люблина, р. Калонимоса Кальмана Эпштейна, р. Исраэля Маггида из Козениц, Менахема Мендела из Риманова и др.²² В течение первой половины XIX в. эта доктрина стала наиболее распространенной и влиятельной в хасидском обществе. При этом многие из лидеров хасидов неизменно подчеркивали, что хотя они способствуют исполнению желаний простых людей и веселятся вместе с ними, истинные устремления праведных принципиальным образом отличны от тех, которые свойственны основной массе верующих. Характерным примером такого рода суждений является притча Якова Йосефа из Полонного о пире царского сына. «Скажем притчу о царе, единственный сын которого был уведен в плен, самый тяжкий из всех возможных. Прошло много времени, и явилась надежда выкупить его и вернуть его отцу. Через многие срока и лета прибыло ему письмо отца его царя, дабы не отчаивался он, что может быть забыт он царской милостью в волчьем сборище, ибо все еще протянута рука, дабы возвратить его отцу, посредством множества усилий военных и мирных. И немедленно возрадовался царский сын великой радостью, не взирая на то, что послание было тайным и нельзя было ему радоваться открыто. Что же он сделал? Пошел с жителями того города в дом вина или иное торговое место, и они веселились от вина весельем материальным, а он же радовался посланию отца»²³. Радость истинного подвижника, именуемого царским сыном, может выражаться в поведении, подобном поступкам прочих людей. Он может пить вино, петь песни и выглядеть заурядным весельчаком. Но его веселье по сути своей является духовным актом, мотивированным связью с Создателем. Оно не имеет ничего общего с обыденной бытовой радостью окружающих. Последняя необходима лишь как фон, как защитная оболочка, позволяющая совершенному не скрывать свои чувства и не стесняться их.

Но в данном случае, как и во многих других, подобных ему, основоположники хасидизма, высказав и красиво обосновав

²² Landau B. R. Elimelekh mi-Lizhansk // The Encyclopedia of Hasidism. С. 111.

²³ Yaaqov Yosef mi-Polonoye. Toldot Yaaqov Yosef. Parashat Kodashim, ot 1.

некий тезис, в дальнейшем переходят к обоснованию другого, противоречащего ему. Достаточно часто в их проповедях речь заходит о великой ценности мирских вожделений совершенных праведников.

Р. Дов Бер Магид из Межирича учит: “Праведник (цадик) властвует над страхом божьим (Цар. 2, 23:2) – цадик превращает меру суда в меру милосердия. Приведем для примера притчу: когда младенец желает какой-то вещи, от которой он получает удовольствие, то отец его, из-за любви к младенцу, наслаждается тем, что эта вещь есть у младенца. Выходит, что младенец порождает наслаждение этой вещью у отца своего. И также, к примеру, другая притча, когда есть боль у человека в ноге его, порождает она в помыслах желание прекратить ее, ибо они [человек и его нога] единое целое. Таким же образом и цадик, когда прилеплен (дабук) к Создателю благословенному, все, чего ему не хватает, порождает свыше желание в Создателе благословенном. Приведенная нами первая притча относится к сути сказанного мудрецами, что заповедь в субботу есть и пить. На первый взгляд трудно объяснить, какое удовольствие дополнительной душе от еды и питья²⁴. Но наша притча поясняет, что есть и для дополнительной души от этого удовольствие... И также, когда родится в нем [человеке] гитпаарут, да вознесет он гитпаарут, который связан с той вещью, в силу чего родился этот гитпаарут, и да прилепит его к Создателю благословенному. Ибо во всякой вещи пребывает присутствие (гитпаштут) Создателя благословенного, ибо полна вся земля славой Его”²⁵.

В рассказе об отце и сыне праведный дает волю своим желаниям, и все они осуществляются, так как для любящего родителя глядеть на утехи младенца истинное наслаждение. Человек таким образом как бы наделяет божество устремлениями ко всему тому, что мило его душе. Речь при этом идет не о сокровенных духовных первоосновах происходящего в мире дольнем, а о непосредственном удовольствии от еды, питья, прекращения боли

---

²⁴ Согласно иудейскому вероучению, каждому еврею в субботу нишпосылается дополнительная божественная душа, вследствие чего интенсивность его коммуникации с миром горним многократно увеличивается.

²⁵ Dov Ber mi-Mezhircz. Magid dvarav le-Yaaqov. С. 42–44.

и тому подобного. Прославление человека, связанное с успехами в земных делах или обладанием дорогими вещами, в нашем примере оценивается позитивно, поскольку всякое переживание актуальное здесь, и в силу указанных причин пробуждается и там, на небесах. В завершении упомянутой нами проповеди прямо говорится: “во всякой вещи пребывает присутствие (гитпаштут) Создателя благословенного, ибо полна вся земля славой Его”. Таким образом, за основу здесь берется концепция единства Господа и его творения, постулирующая Его пребывание во всяком явлении окружающего нас мира.

Развивая данную тему, рассмотрим еще один пример хасидской притчи об отце и сыне, также принадлежащей р. Дов Беру. «Представим себе отца, у которого есть маленький сын, и сын этот хочет взять палочку и сесть на нее, как на лошадь. Несмотря на то, что естественно для лошади направлять движение человека, он направляет движение его. Почему это так происходит – потому, что он получает от этого удовольствие. И отец помогает ему, и дает ему палочку, дабы исполнить каприз сына. Также и цадики желают править миром. И создал Господь эти миры, чтобы насладились они правлением их. Славу сущности Его мы не достигаем, но славу Его, что пребывает в мирах, мы достичь можем. Поэтому сжал Он себя в миры, ибо забавляют Его наслаждения цадииков, которые получают наслаждение от миров. И это суть сказанного “желание боящихся Его Он осуществляет” (Пс. 145:19). Ибо Эйн Софу не присуще желание, его делают Ему боящиеся Его. Об этом сказано: “Советовался [Господь] с душами праведников (цадииков)”»²⁶. Сама притча и ее толкование схожи с ранее приведенным нами фрагментом проповеди. Здесь также идет речь о таком единении верующего с Господом, при котором оба они сохраняют свою индивидуальность, а в последующей интерпретации подчеркивается доступность Создателя, присутствующего в творении. Правда, руководящая роль человека в данном поучении существенным образом усиливается. Он не только наделяет божество своими желаниями, но и вообще направляет всякое движение Всевышнего, как ему захочется. Всесильный владыка Вселенной забавляется этой игрой, безропотно

---

²⁶ Там же. С. 21.

исполняя любой его каприз. Но в дальнейшем проповедь обращается к теме безличности божества, которое в принципе способно обладать желаниями только благодаря человеку. Возникает естественный вопрос о том, какую из частей этого поучения Магида следует считать иносказанием, а какую описанием истинного положения вещей? Следует признать, что оба варианта являются равновероятными. Мы не ошибемся, если истолкуем притчу об отце с прилагающимися к ней пояснениями как некую подготовку, необходимую перед оглашением ученикам мистической тайны, – божество безлично, и желания у него отсутствуют. Только мы наделяем его таковыми. Но нисколько не менее верным будет прочтение, согласно которому Магид в первой части проповеди говорит об особой форме переживания единения с Создателем, когда человек представляет себя сыном, с которым играет любящий отец. Переживание это влечет за собой реальное единение с божеством, благодаря чему всякое желание праведного является в то же самое время и волей его отца небесного, предпочитающего развлекаться таким образом. Все происходящее являет собой особую духовную практику, позволяющую осуществлять в мире дольнем всевозможные магические преобразования. Основывается она на способности человека пробудить отеческую любовь у обладающего всеми личностными качествами Создателя. Поскольку поучение затрагивает тему надделения Всевышнего человеческими желаниями, проповедник по аналогии переходит к иной, касающейся безличного божества, обретающего желания исключительно в силу стараний праведников. Такого рода переход по аналогии в целом типичен для раввинской проповеди.

Широко известным и многократно описанным в научной литературе опытом единения верующего с Создателем является повествование о растворении человека, достигшего мистического экстаза, в бесконечном божестве, подобно тому, как капля растворяется в океане²⁷. Но, как мы видели в примерах, приведенных ранее, идеал подвижничества и самоотречения мирно уживается в хасидской проповеди с призывами пестовать свои желания, вследствие чего единство с Господом обретает формат игры капризного сына с уступчивым отцом.

²⁷ Idel M. Qabbalah: hebetim hadashim. С. 166–168.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет заключить, что обыденные мирские желания рассматривались основоположниками хасидизма в качестве основы и главной действующей силы особой духовной практики. Эта практика предписывалась не только невежественному простонародью, но также и сообществу лидеров-наставников. Результаты ее осуществления аналогичны тем, которые верующий обретает с помощью медитаций самоотречения и созерцания предвечного света. Такого рода элитарные богоугодные деяния, коренящиеся в учении каббалистов средних веков, многократно превозносились в проповедях хасидов. Но, в конечном счете, оказывается, что простые мирские желания также позволяют обрести единение с Создателем и приумножить в мире поток божественной благодати. Практика желаний таким образом, не является чем-то второстепенным, пригодным только для начинающих.

Полученный результат позволяет по-новому взглянуть на соотношение земного и небесного, рассуждений о высшей духовности и обыденности в вероучении хасидов. Последователи Бешта стремились обратить во благо служения творцу все склонности и способности человека. И его тягу к возвышенному, и его устремление к низменному. Даже обыденные мирские желания, которые во многих других религиозных учениях рассматриваются в качестве вредного фактора, подлежащего истреблению или по крайней мере предельно возможной нейтрализации, в кругах последователей Бешта трактовались как позитивная сила, дарующая много благ в случае надлежащего ее применения.